

КУДА УЕХАЛ «ЦИРК»?

Мария Мацевич¹

Abstract

The article describes conditions, which determine a biological way of adaptation and behavior, as well as a type of civil existence, a type of the writing and thinking style. The moral of the represented text is that the ideological space of *Europeanness* just as the cohesion of Belarusian people is a unity against a «law», «political discourse». Belarusian «chronotopos» does not have borders of its own, since the alien, i. e. the other is something that has not yet managed to get into the «ethnocentric», personified «Belarusian space», the space of an «open identity».

Keywords: architecture, postmodern, still life, ethnocentrism, identity, the otherness.

«В хрустальные дворцы на курьих ножках
Я даже лёгкой тенью не войду».

Осип Манделштам

«Пока эстетики как таковой нет, нет и
того, что не было бы эстетикой».

Сергей Аверинцев

Наука изучает, прежде всего, вещи и процессы, чтобы дать человеку возможность жить в новом предметном мире. Однако вещь – это название, за которым скрывается сама сущность, само бытие. Это – имя, обозначающее лишь наши оправдания, которые мы ждём для объяснения наличной действительности. Но вещи продолжают оставаться только материальными точками, с которыми нас связывает жизнь. Что отличает чистое единичное бытие вещи от её небытия? Что отличает данную, вот только эту, вещь от такой же внешне подобной, иной? Где эта грань между нечем и ничто, между единым и многим?

Именно суть вещей, то сущее, которым каждая из них отличается от любой другой, та всевластная истина, благодаря которой мы можем говорить о наличии, остаётся извечной тайной. В лучшем случае мы познаём только то, как вещи соотносятся, как действуют друг на друга. Мы эксплицируем различные содержания, а природа остаётся сокрытой. Ведь они (вещи) бытийствуют в единой целокупности и могут,

¹ Мария Янушевна Мацевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук Белгосуниверситета (г. Минск, Беларусь).

дополняя друг друга, становятся причинами «метафизических» изменений. Ибо всё сущее есть одно бесконечное существо, которое в единичных вещах выражает свою вечно равную самотождественную природу; взаимодействие различных вещей – это взаимодействие различных состояний всеединого.

Естествознание выделяет в вещах непосредственно данное, адекватное, объективное. Философов же интересуют прежде всего акты «оценки» и «воления», сфера «значимости». Мы не можем сказать, что нечто есть или его нет. Мы изначально обременяем эти утверждения модальностью. Ибо наши «познавательные» усилия – следствие того, что происходит в нас самих. Не только то, что происходит между вещами, но и то, что творится в них, представляет настоящее реальное явление. Наш субъективный мир – единственный случай, в котором мы познаём внутреннюю природу вещи и имеем *cognitionem rei*, а не только *cognitionem circa rem*. Единственный путь составить себе представление о внутренней сущности, природе вещей – это мыслить их по аналогии с нами. Но «значимое» по возможности освобождено от притязаний индивидуального сознания. Оно очищено от субъективности и чисто объективно в той форме, в какой естественно-научная объективность занимается поиском действительных предметов; «объективность» в поле «значимости» – «чистота» актов и деятельности мышления, оценки и воления.

Предметы требуют от нас своего права на осмысление. Оказывается, что предметы – это то, что противопоставляется мне и моим мыслям как трансцендентное. При их опрашивании мы получаем ответ, зависимый от направлений вопроса. И рядом с осознанием физической действительности поднимается вопрос о признании особого статуса значения, должного.

Ещё Кант отмечал, что существование не есть общее свойство всех вещей, и сущее не есть общий род, определяемый этим свойством. Это явилось знаменем разрыва наук о сущем и наук о сущем «как таковом», знаменем того, что мы вообще ничего не утверждаем о действительности, а, скорее, утверждаем нечто об утверждениях о действительности.

«...Если я мыслю вещи посредством каких угодно предикатов и какого угодно количества их (даже полностью определяя её), то от добавления, что эта вещь существует, к ней ничего не прибавляется».²

Существование не является настоящим предикатом. Существование есть определённое свойство понятий, и оно не выразимо реальными предикатами, выражающими свойства вещей.

Вопросы существования – вопросы существования категориально определённых объектов, образующих соответствующий универсум. Но объекты различных универсумов разнородны; то есть группы взаимоисключающих предикатов, выражающих возможные

² Кант И. *Сочинения в 6-ти томах*. Т. 3. М.: Мысль, 1964. С. 521.

свойства и отношения объектов данного универсума, принципиально неприменимы к объектам другого универсума.

Ещё в начале XX века немецко-американский психолог Вольфганг Кёллер поставил на курицах занимательный эксперимент. Перед курицей размещались два квадрата: один квадрат – светло-серый, а другой – тёмно-серый. На оба квадрата насыпались зёрна: на более светлом квадрате они лежали свободно, а на более тёмном – приклеены так, что курица, которая пыталась клевать эти зёрна, не получала эффекта. Постепенно курица приучалась направляться к более светлому квадрату. Кёллер задался вопросом: курица реагирует на цвет или на свет? Он решил дать курице два других квадрата – такой же тёмно-серый и ещё более тёмный. Прежний, более тёмный, квадрат становился в новой паре относительно более светлым. К какому же квадрату шла курица? Оказывается, она сразу же направлялась к более светлому квадрату, который был отрицательным, и игнорировала квадрат, которого прежде не было. Следовательно, она реагировала не на абсолютный цвет квадрата, а на отношение между двумя квадратами. Для закрепления окончательных выводов эксперимента Кёллер оставил светло-серый квадрат, который в первом опыте был положительным, и рядом с ним положил ещё более светлый квадрат, почти белый, которого раньше не было. В этом последнем опыте курица никогда не шла на светло-серый квадрат, а, наоборот, шла на белый квадрат.³

«Курица обычно подходит к новому, белому листу бумаги, который она видит в первый раз, и даёт отрицательную реакцию на светло-серый лист бумаги, на который у неё путём длительной дрессировки была укреплена и упрочена положительная реакция выбора. Как объяснить в данном случае поведение курицы? Кёллер объясняет его так. Белый лист бумаги в новом сочетании занял место светло-серого в старой паре. Он исполнял ту же функцию более светлого из двух тонов. Дрессировка курицы была выработана не на абсолютную темноту или светлость тона, а на относительную. Курица реагировала на более светлый тон. Она перенесла отношение с основной пары, бывшей в первых опытах, на критическую».⁴

К сожалению учёных и к счастью курицы, она, очевидно, реагировала не на содержание и даже не на форму, как заметили бы философы, а на «отношения между». Оказывается, есть некий «общеусреднённый», элементарный тип анализа ситуаций, когда мы, как и курица, реагируем не на признаки, качества, а всего лишь на разницу потенциалов.

Если у годовалого ребёнка забрать игрушку и спрятать её за спину, он успокоится. Он, как и курица, перестанет видеть при-

³ Köhler W. Simple Structural Functions in the Chimpanzee and in the Chicken // W.D. Ellis (ed.) *A Sourcebook of Gestalt Psychology*. London: K. Paul, 1938. P. 217–224.

⁴ Выготский Л.С., Лурия А.Р. *Этюды по истории поведения. Обезьяна. Примитив. Ребёнок*. § 3. М.: Педагогика-пресс, 1993.

манку и не будет искать её далее. Приманка исчезла, куда – вопрос философский. Совсем иначе поступают сороки и дети уже 3–5 лет. Обнаружив, что приманка исчезла, они начинают бежать за ней, искать, требовать, ожидать появления вновь. Курицы, как и годовалые дети, живут на всём готовом, им не нужно заниматься поиском пищи, беспокоиться о своей безопасности. В той среде, в которой существуют белорусы, – всегда есть пища (пропаганда), им никогда не надо было думать о том, чтобы принять единственно правильное решение (как бедной сороке) в экстренных ситуациях. Курицы, живя под опекой человека, поглупели. Что же происходит с белорусами?

Изменения, возникающие в структуре экономики, политики, философии, искусства, синхронны, более того, и архитектура, и пространство социальной организации общества также подчиняются единым закономерностям. Это ещё в XIX веке стиль мышления из философии транслировался в архитектуру, сегодня философия и архитектура находятся более чем в странной бинарной оппозиции, кроме того, в контексте современных культурологических реалий им порой приходится занимать виртуализируемые позиции. Культура как бы «выворачивается наизнанку».

«От прошлого культура отграничивается ясно выраженной точкой начала, где всё начинается сначала и как бы на пустом месте. Всё, что было до этой точки, однородно, оно обобщается негативным отношением к себе. Его следует сбросить с “парохода современности”. Характерна сама история слова “бросить”. Участники альманаха обсуждали несколько вариантов – “выбросить”, “сбросить”, – но Маяковский сказал: “Сбросить – это как будто они там были, нет, надо сбросить с парохода...”»⁵.

Попробуйте обратиться к белорусам с вопросом, в чём состоит красота их родного города, они ответят, что это – ухоженные дома, ухоженные парки и дороги, чистые улицы, яркие здания, подсветка. Для тех же из нас, для кого популярные образы красоты потускнели от постоянного тиражирования, единственным утешением по-прежнему видится советская белорусская архитектура. Если «сталинский ампир» был столь «силён» и владел столькими душами, то имеются ли сегодня основания надеяться на доминирование подобной архитектурной стилистики над умами и вкусами? Возникает и ещё один существенный вопрос: насколько то или иное здание может сохранять свою функциональную жизнеспособность, когда сегодня метафизика вкуса опирается на пассивное согласие непросвещённого большинства, а не поддерживается профессионализмом образованного меньшинства? Парадокс заключается в том, что никогда ещё в истории Беларуси не существовал такой колоссальный разрыв между «образованным», воспитанным, вкусом и популистским мнением толпы. И хотя ещё не столь давно вкус

⁵ Паперный В. *Культура Два*. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 41.

масс подчинялся качеству, профессионализму, сегодня в Беларуси доминирует архитектурное естество сытых масс. Для них строящиеся в стране здания – равнодушная социальная условность, приносящая комфорт и успокоение.

Появление на Кальварийской улице Минска нового корпуса Института журналистики Белорусского государственного университета не способствовало ни рождению великих публицистов, журналистов, ни появлению значимых философов, а, скорее, наоборот – их кончине. Правда, после того как журналисты, философы въехали в новое здание, оно тут же перестало быть долгостроем, превратившись в привычное идеологическое явление со знаком качества. И всё же переезд имел своё положительное значение, поколебав убеждённость естественников, что философия занимается прежде всего имитацией видимых явлений. Оказывается, тем же самым занимается и современная архитектура, а также политика, а недостатки вышеозначенных фактов можно списать на издержки постмодерна. В определённом смысле новый корпус сыграл роль «расширителя пространства», выхода за пределы непосредственного восприятия. Новое вкусовое видение предполагает, что ценность здания зависит от способа интеллектуализируемого мировидения, от мистического эликсира и эссенции комфортности. Ведь до тех пор пока философы не выехали из старого здания, они настолько были погружены в стиль своего времени, своей онтологической сути,⁶ что любой другой казался им таким же нелепым, как «горшок» Свинопаса. Сократ в *Филебе* Платона говорил:

«Под красотой очертаний я пытаюсь теперь понимать не то, что хочет понимать под ней большинство, то есть красоту живых существ и картин; нет, я имею в виду прямое и круглое, в том числе, значит, поверхности и тела, рождающиеся под токарным резцом и строяемые с помощью линеек и угломеров ... я называю это прекрасным не по отношению к чему-либо, как это можно сказать о других вещах, но вечно прекрасным самим по себе, по своей природе и возбуждающим некие особые, свойственные только ему удовольствия, не имеющие ничего общего с удовольствием от щекотания. Есть и цвета, носящие тот же самый характер»⁷.

Сегодня красота пространства свелась к системе делопроизводства, системе дифференциации функций. Ещё английский художник Дж. Констебл писал, что предмет искусства можно найти под каждым забором, однако в цели и задачи профессионала ставилось следующее:

«Прекрасное заключается в природе и встречается в действительности в разнообразнейших формах. Поскольку прекрасное обнаруживают в природе, оно принадлежит искусству или, точнее, художнику,

⁶ Мацевич И.Я. Топография пространства образования от организации к управлению // *Кіраванне ў адукацыі*. 2010. № 12. С. 43–50.

⁷ Платон. *Собр. соч.: в 4-х тт.* Т. 3. М.: Мысль, 1994. С. 58–59.

который умеет его увидеть в природе. Поскольку прекрасное реально и видимо, в нём самом заложено его художественное выражение. Но художник не вправе усилить это выражение. Он может касаться его лишь с опасностью исказить, а значит, ослабить его. Данное природное прекрасное выше всех условностей»⁸.

В Беларуси конфликт формы и содержания новых зданий, конфликт эстетического пространства городов – конфликт социальный, идеологический, «тех, кто не меняет белья, кто может поставить себя вне людей света»⁹. Жанровое пространство современной белорусской культуры – пространство натюрморта, бутылки, фории.

«На каждого художника приходится десяток теоретиков. И роль главного теоретика, главного суперарбитра художественной жизни берёт на себя государство. Отныне искусство становится общественным достоянием и важным социальным фактором. Государство распространяет искусство, государство следит за воздействием искусства, с помощью искусства государство проводит воспитание народа...»¹⁰.

Художник, философ перестали видеть в мире арену разыгрываемых событий, действий, трагедий. Их отныне интересует состояние предметов. Предметы можно расставлять, раскладывая, сортировать. Художественный процесс постепенно заменяется дизайном. Дизайнеры перенесли свой «предметный» вкус, способ бытия и на человека, и на пейзаж, и на метафизику. Натюрморт превратился в особое художественное мировидение.

В чём же суть «философии натюрморта»? Главное – бессодержательность. С вышеуказанной точки зрения то пространство, в котором мы живём и думаем, выступает отныне некой лабораторией опытов над фактурой, краской, светом, воздухом. Наши новые корпуса, «отреставрированные» здания не предполагают, что граждане республики будут заниматься здесь созиданием «высоких смыслов», они рассчитаны только на смотрение. Это – нечто, вырванное из стилистики самих повседневных отношений, из стилистики повседневного потребительства. Исторические сооружения сносятся, ломаются, портятся в контексте невежественной реставрации не потому, что они были «под угрозой», а потому что они вступают в противоречие с утилитаристскими потребностями иерархов, потому что они противоречат иерархически государственно-эстетическому видению мира. Художественная ценность зданий всё больше отождествляется с материальной ценностью применяемых материалов. Архитекторы, художники становятся

⁸ Кларк К. *Пейзаж в искусстве*. Перев. с англ. Н.Н. Тихонова. СПб.: Азбука-классика, 2004. С. 190.

⁹ Кларк, указ. соч., с. 191.

¹⁰ Виппер Б.Р. *Проблема и развитие натюрморта*. СПб: Азбука-классика, 2005. С. 49.

чиновниками. Мир удвоился, две половинки мимикрировали относительно друг друга: искусство «уплощалось» под жизнь, а жизнь «уплощилась» под глянец. Государственное, эстетическое и целесообразное слились воедино.¹¹

Все мы как представители *homo* нуждаемся в «норе» и «убежище». Прочность, добротность «укрывающего» пространства больше показывают, чем прячут. «Укрытие» – это не только то, что защищает нас от внешней среды. «Хата», «жильё», «квартира», «рабочее место» – особая реальность, сквозь которую проступает образ белорусского гражданина (жителя, «жателя», сеятеля и т. д.), им же созданный, а «пространство» есть лишь инструмент проявления вышеуказанного. В этом смысле архитектура, дизайн – провокация бессознательного, они постоянно преобразуют тело и сознание, пытаясь сделать их доступными для Другого, позволяя увидеть то, что ранее было «невыносимо», позволяя обозреть невидимость Иного (например, европейца). Для большинства интеллектуализируемых «минчан», да и белорусов в целом, «европейскость» – идеализируемое изображение-фетиш. Но это идеализируемое изображение уже давно перестало отражать реальность. Химеризация всегда происходит одновременно с обесцениванием, отрицанием непосредственной реальности.

«Строительство» – отнюдь не меньшая страсть человека, чем жажда богатства. Причём, в отличие от многих других страстей, она никогда не покидает человека. Существует, следовательно, и «полифония стройки», «полифония евроремонта», «музыка» их самооправдания и оправдания перед теми, кто от неё страдает. Этот механизм опрокинул цивилизованные принципы разделения властей, в том числе древнейший из них: разделение духовной и политической власти. «Главные» архитекторы городов Беларуси восстановили архаический принцип единства царств, священства и пророчества, когда архитектор (вождь) одновременно выступает и как носитель политической власти, и как жрец, носитель культовых начал, и как «один из теоретиков», носитель пророческой идеи. Вопрос не в том, что за культурный феномен представляют современные архитектурные формы Волковыска, Орши, Лиды, Минска и так далее, вопрос в том, как быть «правыми» в нашем бытии. Если вы не воевали внутри, вы будете воевать вовне (это и есть полифония метаязыка власти «евроремонтов»).

Переезд журналистов, философов на Кальварийскую улицу столкнул участников этих событий лицом к лицу с моделью «преlestной картинки», которая в силу её великолепия рухнула, как карточный домик, обнаружив абсолютную жестокость и недопустимость реальности. С помощью генезиса современной архитектуры сегодня воочию можно обозреть невидимые руины «глянцевого экзистенциализма» и бастионы «гендеризма». В частности, изучение современного Минска иногородней молодёжью начинается с

¹¹ Паперный, указ. соч.

«Макдоналдса», ж/д вокзала, «переформатированного» Большого театра оперы и балета. Но «метафизику города» никто откровенно не понимает. За способностью меняться нельзя найти «Я» города. Похоже на то, что Минск выжил как город и как фигура брендовая, геополитическая, но не онтологическая, семантическая.

Отказываясь от своей естественной оболочки, «минчане» творили своё «Я» по изображению. Мода подразумевает тесное сотрудничество между создателем и моделью, хотя порой трудно определить, чьё же влияние сильнее. Минск стал, в первую очередь, не тем, что он представляет, а тем, что изображала и преображала «белорусская идеология». Он отрицает ровно столько же, сколько утверждает; создаёт столько же, сколь и разрушает, раскрывает столько же, сколь и умалчивает.

Никогда ещё, ни в одну эпоху, мы не пережёвывали такого количества «куриности», сколько потребляем сейчас. Но одновременно мы-то и не в состоянии её оценить. Мы никогда не видим только «экземпляр», «экземпляр» никогда не является зрелищем в чистом виде. В действительности мы воспринимаем «экземпляры» лишь в той особой форме обнажённости, которую получили от «анестезированности» и «эксгибиционизма» современной культуры.

Белорусы, как и любая несчастная «курица», ежесекундно меняют положение своего «клювика» в поисках корма, наиболее точного, выгодного, исчерпывающего. Таким образом они надеются остаться вечно сытой нацией, запомниться хотя бы одному «петуху», от которого зависит их жизнь. Они не пребывают в оцепенении от увиденного, происходящего, а просто живут, не рассчитывая на сочувствие окружающих, «кляют», «кляют», «кляют»... Речь в статье – не о презрении к домашним птицам, курице, белорусам как таковым, а об эстетике, многообразии вкусовых пристрастий и экзистенциальных вызовах. В чужой курятник со своим уставом не ходят. Возможно, по этой же причине настоящие «курицы» честнее и благороднее отдельных млекопитающих. «Курицу» не сдержат. Она намеренно кудахчет, квочет, роясь, купаясь в грязи, перемещаясь, отпечатываясь, трансформируясь на всём протяжении полотна «чернозёма жизни».

На данный момент, хотелось бы заметить, эстетическое, стилистическое, жанровое пространство того или иного белорусского города может быть понято как своего рода этнология, автобиография, интерпретация нашей жизни в «развитой» стране, связанной с эпохальным кризисом идентичности. Что же представляет собой этот глобальный кризис идентичности? С одной стороны, постмодернистская идеология предписывает нам действовать и мечтать таким образом, чтобы добиться ситуации, в которой никто не чувствует себя исключённым из общей цивилизации, в которой каждый может быть в состоянии найти язык, подходящий его собственной идентичности, и некоторые символы его собственной культуры. С другой стороны, очевиден и трагически прагматичен кризис идентичности.

Методологически фиксируются две решительно противоположные, но не диалектически, тенденции: неопределённости и имманентности, «локализации» и «глобализации». Имеются в виду разные гендерные ориентации, деколонизация, сепаратизм, с одной стороны, и имперские амбиции, парки высоких технологий, СМИ вакцинация – с другой. В целом, «культурный постмодернизм» взял себе за правило мутировать в «геноцид постмодерна» (свидетелями тому Палестина, Босния, Косово, Сербия, Ирак, Тибет, Гаити и т. д.). «Культурный постмодернизм» повлѣк за собой метастазы стерильного, манерного китча политкорректности, толерантности, мультикультурализма, смешной тупиковой игры или просто рекламы СМИ. На перечисленные процессы, изменения мир и откликнулся таким явлением, как постмодерн.

Вышеозначенное подводит читателя к выводу о том, что каждый из нас является свидетелем расширения постмодернизма в постмодерн. Неопределённости бывшего постмодернизма превратились в трайбализм (флуктуации диктаторских постколониальных замашек). Хотим мы этого или не хотим, ужасные факты постмодерна вторгаются в нашу жизнь: проблемы диаспор, миграции, беженцы, кризис общечеловеческих ценностей и т. д. Призрак бродит по Европе и миру, но не коммунизма, а «Призрак Идентичности».

Следуя логике и риторике доктора искусствоведения Института востоковедения РАН (Москва) Ш.М. Шукурова, «Чужое» обычно воспринимается как более мягкое «Другое» или иное, осуществляемое по схеме «Я–Ты», «Мы–Они». Между тем эта парадигма не редуцируема при обращении к современному белорусскому контексту, где понятие «этноцентризма» превосходит конкретные онтологические рамки культуры.

Форсированно урбанизирующийся мир обладает рядом существенных характеристик. Не выпадает из этого ряда и Республика Беларусь. Мир этот антропоцентричен, или, ещё точнее, «этноцентричен». Антропоцентричность «ментального мира» может быть осмыслена настолько широко в пространстве, насколько это позволяет делать географический обзор отреставрированных реструктурированных зданий, памятников, городов на территории Беларуси. Нельзя не принимать во внимание и долговременную актуальность многочисленных разноязыких и разновременных легенд, сказаний, закрепляющих образ «власти» в истории рождѣнного ею макропространства белорусской культуры.

Насильственно, искусственно плюралистически «персонифицированный» мир современной Европы, как и мир белорусской культуры, это – мир, реальность которого основывается на парадоксальном убеждении в его сверхреальных, фантастических признаках. Идеологическое единство европейцев, как и сплочѣнность белорусского народа, есть единство перед «законом», «политическим дискурсом», что на самом деле и есть рукотворное воплощение философии жизни мэра, министра, канцлера, президента. Таким образом изменяется направленность художественного мыш-

ления граждан. Политиками, как и философами, выстраивается новое пространство мысли, соответственно, вводятся новые принципы овеществления смысла. Мы можем постоянно видеть фактически непрекращающуюся семантическую и эпистемологическую проработку «властного пространства» в тесной сопряжённости с характером его образа. Загадочность, фантастичность и опасность этого пространства обусловлены статусом его олицетворителя (правителя, идеолога, пророка): только он способен охватить это пространство в единстве обозначенной самости, «дружности» и чуждости.¹²

«Пространству белорусской власти» свойственно постоянное устремление к расширению своих границ, границ онтологической сферы. У выбранного «хронотопа» не существует границ своего, ибо чужое, другое – это то, что ещё просто не успело войти в «этноцентрированное», персонифицированное «белорусское пространство», пространство «открытой идентичности»¹³.

¹² Шукуров Ш.М. Александр Македонский: метаистория образа // *Чужое: опыты преодоления. Очерки по истории культуры Средиземноморья*. М.: Алетейа, 1999. С. 33–62, 45.

¹³ Термин введён Мишелем Фуко, а по отношению к Республике Беларусь активно используется философом Ольгой Шпарагой.